

84(2=411.2)6-4
КДГ СА-393756

Елена
Катишонок

ПРОТИВ часовой стрелки

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

роман

са-393456

Елена
Катишонок

ПРОТИВ часовой стрелки

роман

МОСКВА 2022

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Автобус остановился, развернувшись перед высоким современным зданием. Шофер выключил мотор, и, несмотря на людской гул, стало тихо.

Наверное, ее нерешительность была заметна, потому что какой-то военный улыбнулся и громко сказал: «Конечная, бабушка! Дальше не поедem». Ишь, внучок, улыбнулась она, провожая взглядом высокую стройную фигуру, но улыбнулась без всякого ехидства, а просто и ласково, как и полагается бабушке. Да иначе ее никак и нельзя было назвать. Старость сэкономила на морщинах, зато не пожалела седины и уже примеривалась к прямой спине. И все-таки это была не старушка: несмотря на преклонный возраст, в ней не было старушечьей шамкающей ветхости. Не было и высокомерной жесткости, отличающей старух; одним словом, бабушка, свидетельством чему были четверо взрослых внуков и двое правнуков. Именно бабушка, в аккуратном повязанном шелковом платочке и вязаной кофте поверх летнего платья: пар костей не ломит, — но в элегантных, любящих ногу туфлях, которые были сделаны в Бразилии, а не на местной фабрике «1-е Мая».

И лицо, готовое к улыбке.

Пусть выйдут, решила бабушка, не давиться же в дверях. Водитель уже стоял снаружи, с наслаждением затягиваясь сигаретой, а из дверей, точно фарш из мясорубки, продолжали вываливаться люди.

Сойдя на тротуар, она повернулась было к шоферу, но тот даже не дослушал вопрос, а просто кивнул в сторону здания и, выдохнув к небу дым, пояснил: «Это и есть восьмая, других больниц тут нету».

Один за другим люди входили в стеклянno-голубую громаду. Куда люди, туда и я, решила бабушка, твердо помня про язык, который до Киева доведет. Остановилась у диванчика перевести дух: ноги не очень верили, что доведет. Присела. Надела очки, практически бесполезные, но в них чувствовала себя уверенней; и действительно, довольно скоро нашла в сум-

ке таблетки «от сердца». Аккуратно вытряхнула на ладонь крохотное гладкое зернышко. Двадцать минут на трамвае до центра, поиски нужного автобуса в очумевшей толпе, да сколько времени внутри, пока он тронулся, а потом гнал в такую даль, где сроду не бывала. Слава Богу, не девочка: восемьдесят пять в апреле стукнуло, а сейчас июнь на исходе, самая жара.

Рядом на столике стоял графин с водой и толстым перевернутым граненым стаканом. Хотя таблетка легко проскользнула в горло, очень хотелось пить, особенно после душного автобуса. Но из *этого* стакана?!

Когда перед глазами перестали плавать серые червячки, бабушка подошла к широкому окну с надписью «Информация», где висел большой календарь, напоминающий крупными черными цифрами, что на дворе 25-е июня 1986 года. Девушка посмотрела вопросительно и, услышав фамилию, зашелестела страницами толстого гротескбуха. Бабушка озадаченно смотрела на склоненную двухцветную голову: из черных волос там и сям торчали оранжевые завитки. Казалось, голова вот-вот загорится. Красить не умеет, пожалела она бедняжку, это же курам на смех. Бедняжка прихлопнула ладонью страницу и подняла лицо:

— Шестнадцатый этаж, лифт номер два.

Бабушка не двинулась. Лицо у нее было растерянное, и дежурная повторила, а потом громко, словно разговаривая с глухой, спросила: «Найдете сами, бабушка? Подождите, я вам напишу», — и протянула шершавый квадратик бумаги.

Бабушка поблагодарила и отошла, неся бумажку прямо перед собой. Ничего, кроме неясных пятен, — что в очках, что без очков — она все равно рассмотреть на ней не могла. Шестнадцатый этаж, сказала эта пеструшка; сколько же всего этажей?! В поисках лифта двинулась вперед по светлому коридору, который изнутри совсем не выглядел стеклянным. Сама больница тоже не была похожа ни на одну из ей известных: ни на дальнюю и давнюю ростовскую, где она едва не сгорела от смертельного тифа, ни на ближнюю, печально знакомую из-за покойного отца, а затем и матери, Царствие им Небесное.

Коридор уперся в широкое окно. У правой стенки жалси люди и нерешительно смотрели вверх, точно ожидая дождя. Бабушка невольно подняла голову. Прямо в стене мелькала широкая красная стрелка, потом появилась зеленая, и стенка бесшумно раздвинулась. Опустив головы, все ринулись в лифт, и она тоже как-то оказалась внутри, крепко сжимая в пальцах путеводную бумажку.

Лифт шел быстро, часто останавливаясь, и внутри становилось просторно, но люди по-прежнему смотрели вверх, где над дверью мигали лампочки. «Пятнадцатый нажмите, мне пятнадцатый», — забеспокоился сзади женский голос, и лифт, точно услышав, остановился. «А мне шестнадцатый», — попросила бабушка и так, держа в руке шпаргалку, почти сразу шагнула в коридор.

Здесь было точно так же, как внизу, только светлее. Блестящий пол, а вдоль стен просторного коридора почему-то тянулись красивые отполированные перила. Все было обшито светлым деревом, и солидные двери с номерами напоминали скорее гостиницу. Все время казалось, что вот-вот выбежит внучка. Конечно, изумится, обрадуется, перепугается: «Ты одна, в такую даль?! Зачем?..» Она переводила выжидательный взгляд с одной двери на другую, но когда они бесшумно открывались, то выходили совсем чужие люди, одетые кто в пижаму, кто в халат — все яркое, неодинаковое. Некоторые прогуливались, придерживаясь рукой за перила. Только белые фигуры медсестер то здесь, то там быстро пересекали коридор, будто мелом прочерчивали.

Леля не появлялась.

Дура старая, обругала она себя с досадой. Разве в больницу кладут, чтоб человек по коридору шастал? Она вылететь должна; с головой не шутят.

Больше тридцати лет прошло с того дня, как она сама проснулась утром на казенной кровати. По стене быстрыми толчками двигалась муха. Резко остановилась и замерла, а потом начала азартно потирать передние лапки, точно рукава засучивала. Прогнать бы нахалку, но обе руки были крепко примотаны бинтами к железной раме кро-

вати, и каждое усилие отзывалось болью в голове. Лелька тогда пятилетней была. Мало что помнилось, только высокий свод потолка, тугая шершавость бинтов на запястьях да муха на серой стенке. Боль и то забывается. Сестра рассказывала, как они с матерью проводывали ее, приводили внучку, однако сама этого не помнила. Подумать только, всего и запомнилось, что муха, досадовала она. А теперь все поменялось: стенки вон какие светлые, кругом чистота — мухи сюда и дороги не знают... Больница — загляденье, и в этой больнице что-то делают с ее внучкой, которую не спасли от головной боли даже состриженные волосы.

Бесшумно распахнулась огромная, до потолка, двойная дверь, похожая на детскую распашонку. Оттуда, досмеиваясь, выбежала девушка в белом халате и, сразу сделав серьезное лицо, деловито протопала к столу с горящей лампой. Когда она села, накрахмаленные полы халатика чуть разошлись, как крылышки.

— Вы кого-то ждете?

Выслушав ответ, кивнула:

— Она в реанимации.

— Мне внизу сказали, что здесь, на шестнадцатом, — бабушка протянула бумажный лоскуток.

— Это здесь, — терпеливо пояснила та, — только в реанимацию посетители не допускаются.

— Интересно, почему? — встрял мужчина в махровом халате. — Вон в Америке кого угодно в реанимацию пускают!

— Мы не в Америке, — строго бросила ему девушка и, повернувшись к собеседнице, продолжала, — вот переведут вашу дочку в палату, тогда приходите.

Нужно было поправить: не дочку, а внучку, и спросить, что такое реанимация, но она не могла решить, с чего начать, а руки и ноги стали вдруг очень тяжелыми. Наверное, это было заметно, потому что крылатая барышня вскочила и сама подвела ее к стулу:

— Вы сядьте, бабушка, — но не отошла сразу, а ждала, пока она нащупает в сумке таблетки.

Славная какая, растроганно подумала о девушке, которая уже несла ей воду. Отдышавшись, хотела поблагодарить, но не получилось; только выговорила:

— Как она себя чувствует?

Девушка взглянула укоризненно:

— Ну как может человек себя чувствовать после *такой* операции?

И стало не нужно узнавать про эту реанимацию: сердце подскочило к самому горлу, и она закашлялась, точно оно не давало дышать; да так и было. Опять растопырились полы халатика: сестричка переполошилась, и бабушка, откашлявшись, замахала руками: не надо никакого доктора звать, Боже сохрани. Нашелся и корвалол; она выпила пахучую гадость и теперь сидела, с наслаждением глотая воду.

Напротив стола с лампой висели круглые часы с такими крупными цифрами, что она без труда их различала. Часы обладали пугающей особенностью: было видно, как движутся стрелки. Самая тонкая плыла тяжело и непрерывно, как в масле, а минутная, вздрогнув, с громким щелчком перескакивала на следующую отметку. От этого казалось, что время идет очень быстро, вот и еще минута проскочила. С трудом отведя глаза, бабушка подумала, что такие часы хороши для больницы: каждая уходящая минута уносила Лелькину болезнь.

Она не стала спрашивать у отзывчивой сестрички, чем внучка больна и скоро ли ее отпустят — пусть вылечат хорошенько, зря держать не станут, да и часы подгоняют, — поднялась осторожно (ноги держали), поблагодарила и направилась к лифту. Девушка догнала: «Я провожу вас, бабушка», — а пока ждали лифт, спросила: «Сколько вам лет?» В ответ недоверчиво протянула: «Да ну!.. Нет, вы моложе выглядите!» И хотя было очевидно, что для двадцатилетней барышни что пятьдесят, что восемьдесят пять — одно и то же, все равно было лестно. Внимательная какая; зря ругают молодежь. Проводила до первого этажа и даже показала, где такси останавливаются, да только такси ей не по карману, о чем ни любезной сестричке, ни шоферу полупустого автобуса, где она удобно устроилась на переднем сиденье, знать было ни к чему.

Вот и съездила, бабушка, говорила она самой себе. Афера, чистая афера. Вчера, случайно услышав, как внучкин муж сказал кому-то в телефон: «...Восьмая больница, автобус прямо от памятника Свободы», она еще не знала, что ноги сами приведут сегодня к этому автобусу, и она будет трястись через весь город, а потом вознесется на шестнадцатый этаж, где будет смотреть на зловещие часы, услышит непонятное слово «реанимация» для того только, чтобы так и не повидаться с внучкой, больной неизвестно чем, но так страшно, что к ней не пускают.

Автобус несся быстро, словно истосковавшись по дороге. За окном, как на экране телевизора, мелькали одинаковые серые дома, июньская щедрая зелень и разноцветные машины. На конечной остановке бабушка опять вышла последней. Потом был трамвай, а когда оказалась дома, что-то произошло, о чем она, как ни старалась, вспомнить не могла. Знала твердо, что комната была залита предзакатным светом, и привычно сняла платок, а потом вдруг увидела матово белеющую подушку рядом. Вторая лежала под головой. Как она очутилась на кровати, даже не переодевшись — только туфли скинула — и сколько времени прошло? На улице горели фонари, и небо от этого было бледно-сиреневым. Включив лампу, поднесла к глазам будильник: десять минут одиннадцатого. Куда делся кусок времени — и жизни, ведь был седьмой час?..

«Натопалась, бабушка», — сказала негромко. Выпить чаю, потом затеплить лампадки — и спать. Встав, включила телевизор, хотя программу «Время» пропустила. Во весь небольшой экран прямо на нее неслась бесцветная дорога, по краям мелькали дома, одинаковые, как вафли из пачки. Такое уже показывали, недавно совсем. Равнодушно повернула рычажок, отправив скучную дорогу мчаться навстречу кому-то другому. Не забыть часы завести. Сначала старый, довоенный еще будильник, давно оглохший и потому разучившийся будить, но исправно стрекочущий время ее жизни. Бабушка бережно повернула его и, придерживая левой ладонью циферблат, начала осторожно крутить тугой метал-

лический бантик, прямо над изогнутой стрелкой и надписью на когда-то привычном немецком языке: «*gegensinnig*». И немецкий забыт, и глаза не видят, да это и не нужно: пальцы привычно крутят маленький железный бантик «к себе». Этот старомодный никелированный будильник, бросающий вызов ходу времени, не казался ей ни смешным, ни нелепым. Потом взяла в руки второй, маленький и изящный, с плоской иглой секундной стрелки, и долго пыталась поймать бессильными глазами движение этой стрелки. Внучка привезла из Ленинграда, когда в командировку ездила. Господи!.. Лелька! Шестнадцатый этаж... И так, с прижатым к груди будильником, опустилась на стул.

2

Когда человеку за восемьдесят... Нет, здесь необходимо назвать точную цифру, ибо старики так же ревниво относятся к своему возрасту, как и дети, и так же гордятся каждым прожитым годом. Это пожилые пугаются и конфузливо машут рукой: чур, чур тебя; поспешно уезжают в отпуск или на дачу, чтобы избежать нашествия гостей в день рождения. А если все же скрыться не удастся, то празднуют как-то стыдливо, искоса посматривая друг на друга, и в разговоре молодежато подтягивают животы, страдающие преступным склерозом талии.

Когда же человеку восемьдесят пять, и он не только не нуждается в палке, но походка его легка, руки не дрожат, и голос звонок, он вправе не только гордиться этой цифрой, но еще и прихвастнуть: мне, дескать, уже восемьдесят шестой пошел... Бабушке тоже не было чуждо такое хвастовство, и если она нечасто щеголяла почтенным своим возрастом, то единственно от недостатка аудитории. В этом своего рода расплата за долгожительство: жизнь становится малолюдной, как загородное шоссе в будни. Знакомые и стареющие, как ее собственное, лица вдруг замирают,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**